

Георгий Чулков. Сестра

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

В конце августа я поехал в имение моей тетки, незадолго перед тем скончавшейся, где жила тогда моя сестра, ее воспитанница и наследница.

Уже в вагоне железной дороги, прислушиваясь к мерному стуку колес, я почувствовал, как душа моя настраивается на иной лад, непохожий на тот, который возникал во мне при блеске огней в многосложном городском шуме.

Я отвык от странной пустынности полей, и, когда я ехал в коляске по шоссе от станции до усадьбы, мне было приятно смотреть на осеннюю землю со снопами собранного хлеба, на прозрачную голубизну далей и прислушиваться сердцем к веянию вольного ветра.

Воронье осенним карканьем своим приветствовало обнаженную землю, и какие-то маленькие зверьки отвечали траурным птицам свистом-стоном.

Солнце уже увядало на западе, когда моя коляска подъехала к огромному строгому дому.

На крыльце меня ожидала сестра, в которой я с трудом узнал девочку, какой она запечатлелась в моем воображении со времени нашего последнего свидания.

Теперь передо мной стояла стройная девушка с мудрыми и таинственными глазами, с золотой короной пышных волос, с движениями угловатыми, но царственно-гордыми, с губами неправильно очерченными и, быть может, с несколько большим ртом.

Она стояла в оранжевых лучах осеннего солнца, и мне показалось, что на ней лежит печать какого-то утомления.

Она протянула ко мне свои маленькие нежные руки, болезненно и любовно улыбаясь и покоряя меня своими лучистыми агатовыми глазами.

Наша встреча была молчалива, но, кажется, и она, и я почувствовали мгновенно, что значит любовь брата и сестры, что значит эта загадочная кровная связь.

Через час сестра водила меня по лабиринту комнат, показывая обстановку, не лишенную своеобразного вкуса, однако было видно, что моя покойная тетка, про которую ходило много странных рассказов, устраивала этот дом, не считаясь ни с каким определенным стилем и руководствуясь лишь прихотью своей фантазии, несомненно, впрочем, влюбленной в красоту печали и увядания. От всего веяло духом старины, забвения и, быть может, тайного целомудренного экстаза. На портьерах, обоях и обивке мебели преобладали тона неопределенные - пепельно-стальные и траурно-серебристые. В комнатах, открытых для приема, стояла мебель несколько сухого стиля, маскирующая то сокровенное настроение, которое таилось во внутренних покоях. Там, в спальне, кабинете, библиотеке и угловой комнате мебель была особого типа, по-видимому созданная современным художником по образцам средневековья.

По стенам висели картины преимущественно на религиозные темы: "Воскресение Христово" с маленьким светящимся ангелом на гробе; "Явление Богородицы св. Доминику"; траурный "Христос" с печальными глазами, написанный в темных рембрандтовских тонах, "Святая Мария Египетская" со змеиными косами, связанными на груди, с слегка косящими глазами, святыми и преступными.

В некоторых комнатах были превосходные витражи, сквозь которые проникал смешанный свет, придававший обстановке таинственность. Одна зала со стенами из мрамора, украшенная торжественными кариатидами, казалась музеем, где разнообразие предметов несколько утомляло зрение.

Из этой залы мы перешли в библиотеку, где моя тетка, известная своей склонностью к философии и религии, хранила много прекрасных книг. Здесь, наряду с французскими вольнодумцами XVIII века, можно было найти Блаженного Августина и "Цветочки" Франциска Ассизского и, наряду с великими немецкими метафизиками, таких мистиков, как Сведенборг. В особом отделе хранились сочинения высоких поэтов древности, средневековья и наших дней.

Беседуя с моей сестрой, я убедился, что она обладает умом, тонким